

© 2003 г.

**С.С. СОЛОВЬЕВ**

## **МЕНТАЛИТЕТ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА**

---

*СОЛОВЬЕВ Сергей Сергеевич - кандидат социологических наук, доцент кафедры военной акмеологии и кибернетики Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого.*

---

В ноябре 1997 г. на заседании ассамблеи НАТО обсуждался доклад "Состояние Вооруженных Сил Российской Федерации". В резюме доклада отмечалось, что российское общество находится на уровне нравственной деградации. Осознание необходимости обороны страны в общественной среде фактически разрушено. Защита Родины потеряла свое значение, а военная служба не является больше престижной и обязательной. Российская армия, которая должна являться гордостью народа, находится в отчаянном положении [1]. Объективность такого вывода в России никем не оспаривалась. Вопрос состоит в другом: чья воля, силы и разум еще удерживают этот организм от распада, и

что заставляет этих людей отдавать свою жизнь такому неблагодарному делу. Речь идет о кадровых военнослужащих, российском офицерском корпусе, внутренней силе его подвижничества, которая выражается понятием "офицерский менталитет".

Не все согласны с тем, что группу людей можно и нужно в определенных случаях квалифицировать в качестве субъекта ментальности [2]. Превалирует понимание менталитета, фактически отождествляющее его с массовым и групповым сознанием. Социологи вообще предпочитают не оперировать данным термином. Менталитет определяется как "общая настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества" [3]. Менталитет социальной общности включает в себя систему коллективных ценностей и характерный для нее набор целей. Индивидуальная ментальность представителя общности будет включать, наряду с личностными особенностями, качества, сформировавшиеся в результате воздействия социогенных факторов: менталитета и социального статуса родителей; влияния примера сильных личностей; воздействия системы общественного обучения и воспитания; привитых образцов поведения и культурных традиций; развитости информационного поля социума и др.

В данной статье менталитет офицерского корпуса России рассматривается как системообразующий фактор образа мыслей, душевного склада российских офицеров, выступающий в основе их группового сознания, поведения, деятельности, общения. Наиболее отчетливо он проявляется в стереотипах принятия решений и поведения. Будучи закрепленным в нравственно-нормативных формах, он принимает облик воинских ритуалов, традиций и обычаев. Ментальность и есть его проявление в действиях, поступках, ценностных ориентациях, установках, устойчивых образах мира, эмоциональных предпочтениях, высказываниях отдельных личностей или групп, т.е. своеобразном наборе индикаторов, доступных для наблюдения и измерения в виде вербальных характеристик или результатов деятельности.

Офицеры силовых ведомств (армии, органов безопасности, охраны правопорядка, разведки и пограничной службы) всегда занимали особое место в социальной структуре российского (советского) общества. По своей сущности они образуют специфическую социально-профессиональную группу, отличающуюся высокой организованностью, развитыми корпоративными связями и особым характером отношений с органами государственной власти. Воинский долг психологически приближает человека к власти. Менталитет офицеров выступает тем общим, что связывает их друг с другом, составляет их особое достоинство, называемое в обиходе воинской честью.

Можно предположить, что офицерский менталитет должен отражать взаимосвязь и влияние по крайней мере трех генеральных уровней более высокого порядка: национального (в данном случае российского, русского менталитета), профессионального (главное предназначение военной профессии - вооруженная борьба и защита Отечества) и стратификационного (менталитета социального слоя, который в данный исторический момент выступает опорой власти и поддерживается ею).

*Стратификационный уровень офицерского менталитета* подразумевает особый социальный и правовой статус его носителей - особо преданных людей, способных в тяжелый момент стать опорой и защитой государства. Для этого создаются условия поддержания их достойного уровня жизни, положения и интеллекта (высокая оплата, предоставление льгот, присвоение особых чинов и титулов, учреждение званий и знаков различия, награждение орденами, привилегии). В конечном итоге все это направлено на формирование социального слоя, лояльного власти и готового отстаивать ее интересы.

До петровских реформ понятие дворянин (боярин) было по смыслу тождественно современному "офицер". Впервые офицерами (нем. *Offizier* от лат. *officium* - должность) стали называть войсковых (флотских) командиров во французской армии в конце XVI в.; в России офицерские чины и звания введены в 30-х годах XVII в. для обозначения статуса служилых дворян в полках "нового строя". Они владели своими

поместьями с приписанными к ним крестьянами. Изначально офицерский менталитет в России формировался как аристократический. Начиная с царствования Петра I, стало возможным не только получить дворянство "по крови", но и заслужить. В формуле "дворянин-офицер" понятия поменялись местами: "офицер-дворянин".

Однако это не подорвало аристократической основы офицерской ментальности, поскольку приток "новых дворян" ограничивался и регулировался, и они постепенно впитывали в себя устои, мировоззрение и принципы поведения древних служилых родов. Потомственный офицер-дворянин служил пожизненно с 15 лет, причем начинал всегда с низшего, солдатского чина. Русское дворянское общество продолжало быть напрямую связанным с армией, армией прирастало и без военной службы было немислимо. Императорская Россия представлялась страной офицеров, первым из которых являлся Государь. Понятия интеллигент и офицер также были вполне тождественны, поскольку почти все дворянское сословие состояло из просвещенных людей России.

Социальная и военная реформы конца XIX в., допустившие к офицерской службе через обучение или выслугу практически все сословия Российского государства, в мягкой форме должна была бы привести к воспроизводству опять же на новой социальной основе аристократической офицерской ментальности. Все шло к этому, если бы не социальные катаклизмы и войны, поразившие Россию. Массовый приток в офицерство разночинских элементов, особенно мещан и крестьян с особой индивидуалистской системой ценностей, на рубеже XIX-XX в. пошатнул устои аристократической ментальности. Первым явным признаком кризиса традиционной для России офицерской ментальности стала русско-японская война, где аристократическая психология почитания превыше всего воинского долга перед царем и Отечеством, возвышенного отношения к военным действиям стала расшатываться. Это все завершилось обсуждением приказов и действий командования, желанием победы противнику в войне [4]. Формально прямые носители аристократической офицерской ментальности оказались "выбитыми" в начальных сражениях первой мировой войны, успев лишь частично передать свои ценности, установки и стереотипы поведения сменившим их новобранцам. Если довоенный офицерский корпус состоял преимущественно из дворян, то к осени 1917 г. в результате тяжелых потерь в ходе войны в строевых полках действующей армии кадровых офицеров можно было пересчитать по пальцам.

Социальный состав офицерского корпуса, особенно в полковом звене, существенно изменился: из дворянского он стал разночинским. В табели о рангах статус сословий и классов, из которых происходила новая офицерская масса, был невысоким, а их экономическое положение - весьма посредственным. Сформировалась большая прослойка офицеров, которой были чужды или в лучшем случае безразличны аристократические идеалы служения обществу, государству и самодержцу. Власть оказалась неготовой к таким вызовам ни морально, ни экономически. Разложение стремительно "демократизирующейся армии" могла бы остановить "кастовая солидарность и решительность офицеров". Но ее не было и, более того, офицеры теряли уважение подчиненных. Командиров можно было бы уважать за профессионализм и отвагу. Но на деле солдаты замечали в них паническую боязнь высшего начальства, нерешительность, казнокрадство, пьянство, шкурничество и карьеризм. Даже кадровые офицеры развращали солдат своим поведением [5].

К октябрю 1917 г. офицерский корпус насчитывал примерно 250 тыс. человек, среди которых около 220 тыс. (т.е. примерно 88%) были офицерами военного времени [6, с. 202]. Исторические факты свидетельствуют, что позицию подавляющей части офицеров по отношению к новой советской власти можно назвать настороженно выжидательной. Сразу же после октября в борьбу против большевиков вступили лишь 3-5% офицеров. Война была профессией, а военная служба - единственным источником существования для десятков тысяч людей. Воссоздание армии было невозможно без привлечения офицеров, и советское правительство обратилось к военным профессионалам летом 1918 г. В итоге командный состав красных и белых армий не

сильно отличался друг от друга. Социальную базу командного состава Красной Армии составляли около 1/3 бывших офицеров; со стороны белогвардейского лагеря в боях участвовали около 40% офицерского корпуса русской армии. Оставшиеся 30% - обратились в "первобытное состояние", т.е. вернулись к довоенным занятиям или погибли, умерли, рассеялись по территории России, эмигрировали за границу [6, с. 202].

Можно предположить, что такое распределение кадрового состава старой армии отразило соотношение представителей двух конкурирующих ментальностей ее офицерского корпуса в период революционных событий. Аристократические идеалы потерпели поражение. Однако разночинная ментальность (после гражданской войны ее правильнее было назвать "краскомовской") оказалась неустойчивой в условиях установившимся партийно-бюрократическим режимом. Психология выдвигенцев из крестьян и мещан сочетала тягу к знаниям и стремление к комфорту, личную храбрость и склонность к авантюризму, преданность непосредственному начальнику и политическую всеядность. Офицеры новой формации - красные командиры, прошедшие первую мировую и гражданскую войны, были самостоятельными и незаурядными личностями, имели большие запросы и амбиции вплоть до претензий на политическую власть. Последовали беспрецедентное массовое сокращение командного состава, а потом и репрессии, которым в первую очередь подверглись носители фактически не закрепившейся новой офицерской ментальности. Большевики-сталинцы быстро разобрались, что не могут всерьез доверять командному корпусу, в формировании ментальности которого участвовали они лишь на завершающем этапе. И уже в этом крылась опасность.

Советская однопартийная власть склонна была больше рассчитывать на привитие своим офицерам ментальности, искусственно созданной под свои цели и задачи. Для этого были реанимированы некоторые аристократические идеалы, образцы поведения и традиции, но с определяющим влиянием партийных установок. Новая парадигма ментальности основывалась на максимальном отрыве человека от его социальных корней и внушении через систему обучения и воспитания представлений об офицере как защитнике советского народа (обязательно делался упор на слово "советский"), социалистического государства и его руководства (упор на слово "социалистическое") и идеалов коммунизма, заменивших православно-аристократическую формулу "бог - царь - отечество". Заметим, что в 1929 г. 51,1% командного состава Красной Армии были членами КПСС [7]. Вплоть до начала 40-х годов в военные учебные заведения РККА принимались исключительно выходцы из рабочих и крестьян. В итоге социальный состав офицерского корпуса претерпел существенные изменения (табл. 1).

Всемерно использовались материальные предпосылки для создания советского офицерства. Постановлением ЦК и СНК от 29 мая 1939 г. была создана закрытая система военторгов для обслуживания командного состава армии и флота. Для военных расширилась система льгот по налогам и сборам, в социальном страховании, обеспечении жильем, медицинском обслуживании, образовании. Успешному завершению процесса формирования новой офицерской ментальности в немалой степени способствовала Великая Отечественная война (на второй год войны были восстановлены погоны и введены офицерские звания, копировавшие царские, учреждены ордена имени русских полководцев и флотоводцев).

Последовавшие после войны отставки и нисходящие перемещения известных маршалов и генералов, усиление роли политорганов, идеологизация воспитания и обучения офицеров стали логическим развитием процесса. Теперь офицер не мог рассчитывать на нормальный карьерный рост, оставаясь вне рядов компартии. Процесс завершился примерно в начале 70-х годов, когда тогдашнее партийное руководство Вооруженными Силами торжественно доложило, что 80% офицерского состава являются членами КПСС, а начиная с руководства полковым звеном - 100% [8]. *Советский офицерский менталитет* имел типичные социоцентрические характеристики. В его основе лежали ментальные схемы, объединенные общинными образами-понятиями

**Социальное происхождение офицеров русской, советской, российской армий, 1912—2000 гг. (в % к общему числу офицеров)**

| Социальное происхождение   | 1912 | 1917 | 1924 | 1940 | 1970 | 1990 | 1995 | 2000 |
|--|------|------|------|------|------|------|------|------|
| Из дворян  | 53,6 | 11,9 | ...  | ...  | ...  | ...  | ...  | ...  |
| Из почетных граждан  | 13,6 | ...  | ...  | ...  | ...  | ...  | ...  | ...  |
| Из крестьян  | 25,7 | 59,7 | 50,3 | 55,2 | 34,9 | 12,8 | 9,3  | 6,4  |
| Из горожан и мещан   |      | 20,1 | 32,2 | 23,1 | 42,8 | 57,7 | 58,2 | 58,9 |
| Из интеллигенции и служащих  | ...  | ...  |      |      |      |      |      |      |
| В том числе:   |      |      |      |      |      |      |      |      |
| из военнослужащих  | ...  | ...  | ...  | 4,2  | 16,2 | 21,4 | 25,2 | 26,8 |
| из рабочих   | ...  | ...  | 16,3 | 20,1 | 23,3 | 31,5 | 32,5 | 34,2 |
| из прочих сословий и слоев<br>(духовенство, купечество,<br>кустари, предприниматели и др.) | 7,1  | 8,3  | 1,2  | 0,6  | ...  | ...  | ...  | 0,5  |

*Источники:* Россия. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Л., 1991; *Сорокин А.* Самодержавие и прогресс // *Монархисть..* 2001. № 41; *Военная энциклопедия.* М., 2002. Т. 6. С. 206; *Волков СВ.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 9-12,420; *Советская Военная Энциклопедия*, в 8 томах (данные о 616 советских военачальниках периода Великой Отечественной войны); Докладная записка по результатам социологического исследования / рук. Коноплев В.К., Ковалев В.Н., М.: ОВСИ ГлавПУ СА и ВМФ, 1972; Отчет по результатам социологического исследования "Интерес-90". М., 1990; Мониторинг социально-экономического и правового положения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и членов их семей // *Ракурс.* 2002. № 1. Отточие — отсутствие данных.

(мое государство, мое правительство, мой народ, моя партия и т.д.). В то же время понимание офицерской чести опиралось на близкое к дворянскому.

В конечном итоге аристократическую составляющую стали определять не этические нормы и образцы поведения русских дворян, а трансформированные через них идеалистические догмы, установки в виде положений Устава КПСС, морального кодекса строителя коммунизма и др. Советский офицерский корпус стал привилегированным слоем, из которого естественно или искусственно выдавливались "недостойные". Фундаментальной особенностью менталитета советского офицера выступала ориентированность на растворение своей личности в некоем "Мы", общности, которая выступает по отношению к этому индивиду как высшая власть и высшая сила. Носитель такого менталитета спокойно воспринимал, а иногда и не ощущал регламентации личной, экономической и общественной жизни различными правилами и обязательствами, ограничение своих прав. Такая ментальность позволяла человеку легко идентифицировать себя в социуме, дистанцироваться от других социальных слоев, создавать свои корпоративные ценности, идеалы, установки. Вместе с тем такой статус избавлял человека от ответственности за поиск собственных решений, от сомнений, бремени свободы, что отразилось во многочисленных "армейских" анекдотах.

Анализируя социальную структуру советского общества, Т.И. Заславская справедливо относилась офицеров к его среднему слою (классу) [9], т.е. той социальной группе, которая непосредственно заинтересована в стабильности существующего строя и общественных отношений. Достаточно сказать, что среднее денежное содержание офицера примерно в 1,5-2 раза превышало величину средней заработной платы в стране. С послевоенной поры берут начало представления о советских офицерах как высокооплачиваемой, образованной, социально защищенной и главное - престижной ча-

сти общества, "любимой партией и народом". По данным Г.А. Чередниченко и В.Н. Шубкина [10], в 1975 г. по рейтингу профессий среди учащихся выпускных классов средних школ офицер армии находился в середине списка, набрав 57 баллов из 100. Еще выше котировались офицеры флота, органов безопасности и разведки, летчики; менее престижной выглядела служба офицером милиции.

Образовательный и квалификационный цензы при производстве в офицеры и его карьере играли довлеющую роль. Стать офицером в Советской Армии можно было тремя путями: окончив военное учебное заведение; окончив военную кафедру при некоторых гражданских вузах; начать службу сверхсрочником (позже - прапорщиком, мичманом) и экстерном сдать квалификационные экзамены на первичное офицерское звание. Получение академического образования предоставляло доступ к назначению на должности полкового и дивизионного звена, а соответственно к росту социально-должностного положения. Занять генеральскую должность мог только выпускник Военной академии Генерального штаба. Любое назначение, перемещение, отправление на учебу, представление к награде рассматривалось и визировалось в политоргане соответствующего ранга, где давалась оценка общественно-политической активности и личная характеристика офицера.

Законодательно закрепленное право распоряжаться судьбами подчиненных военнослужащих также являлось неоспоримым признаком отнесения офицеров к среднему классу советского общества. Причем, с увеличением количества подчиненных, размеров и ранга подведомственных объектов, возрастали возможности личного влияния на события местного, регионального и даже государственного масштаба, входящего в элиту соответствующего уровня. По всем основным параметрам (власть, образование, денежное содержание, престиж в обществе, самооценка) *советский офицер соответствовал представлениям о высоком социальном статусе*. Его мог достичь любой гражданин страны, впитав, усвоив советский квазиаристократический менталитет и проявив лояльность партии и правительству.

Почему же в 1991 г. офицеры так легко отступились от вскормившей их власти? Во-первых, сама правящая верхушка пограла идеалы и принципы, которые декларировала на протяжении десятилетий, не смогла защитить армию от нападков прессы и радикальных демократов, а иногда и просто предавала (как это случилось в тбилисских событиях 1989 г. и вильнюсских 1990 г.). Во-вторых, проявились противоречия партийной и аристократической составляющих советской офицерской ментальности, а также наплыв в офицерскую среду грамотных людей из среды интеллигенции и служащих (см. табл. 1). Это требовало изменения форм и методов работы с офицерским составом. На деле система обучения и воспитания не претерпевала серьезных изменений со времен войны. В-третьих, забота партии о сохранении советской офицерской ментальности выродилась в догматические схемы, превратилась в администрирование, навязчивый контроль за служебной и личной жизнью офицера, что не могло не вызывать раздражения.

В-четвертых, значительная часть офицеров была дезориентирована начавшейся демократизацией общественной жизни, на проявления которой военное руководство реагировало крайне неповоротливо. Наконец, в-пятых, проявился основной недостаток ментальной схемы "Мы" - отсутствие политической инициативы и ожидание приказа сверху. В августе 1991 г. большинство офицеров поддерживали ГКЧП. До 50% офицеров в Москве и Подмосковье и до 70% в других регионах считали необходимым его создание; содержание целей этого органа одобряли 85-90% опрошенных офицеров. Причем, наиболее решительно выступали командное звено, а уже затем политработники, инженерно-технический и другой состав [11, с. 463-474]. Однако до конкретных действий дело не дошло. Аналогичная ситуация повторилась в январе 1992 г., когда Всеармейское совещание представителей Офицерских собраний Вооруженных Сил СНГ фактически выразило недоверие своим руководителям, подписавшим Беловежское соглашение [там же, с. 504-507] и было срочно распущено.

В отношении офицерского корпуса новая демократическая власть России вынуждена была решать ту же проблему, что и большевики после гражданской войны. Здесь были возможны два варианта: либо идти по пути искоренения старой ментальности, стимулируя различными путями исход из армии офицеров, получивших образование в советское время, и спустя 10-15 лет начать формирование новой офицерской ментальности сообразно целям правящей элиты в направлении идеологии среднего класса постиндустриальных государств; либо попытаться приспособить советскую офицерскую ментальность к реалиям дня, реализовав подмену некоторых понятий и установок. Парадокс сегодняшнего времени заключается в том, что власть реализует обе стратегии.

Реформы конца XX в. в России породили коллизии, которые нашли отражение в эволюции ментальности, привели к переоценке ряда критериев социального успеха. Так, образование перестало гарантировать высокооплачиваемую работу с перспективами роста. Наличие работы и власть не обеспечивают доход: в армии офицер может руководить сотнями и тысячами людей, но не иметь собственной квартиры и жить на грани бедности. Как настоящий "разрыв" массового сознания кадровых военнослужащих можно охарактеризовать прошедшую в начале 90-х гг. департизацию и деполитизацию армии и флота. Речь идет не только о директивном самороспуске первичных организаций компартии.

Офицеры осознали необходимость внепартийности силовых структур на ментальном уровне. Еще в 1989 г. о своей верности идеологии и программе какой-либо из партий сообщили около 70% опрошенных офицеров (в том числе о преданности делу КПСС заявили 58%). А уже к середине 1992 г. назвали себя приверженцами какой-либо партии только 7-8% [12]. Эта цифра оставалась стабильной и в последующие годы, незначительно повышаясь в период предвыборных кампаний. В настоящее время нет оснований утверждать об аполитичности офицерского корпуса. Хотя очевидно, что вектор общеполитических предпочтений кадровых военнослужащих с 1993 г. сместился в сторону державно-патриотических позиций. В этих условиях объективная вовлеченность офицеров в общественные процессы, поиск новых идейных ориентиров, сильных лидеров и отсутствие целенаправленного политического воспитания делали многих из них легкой добычей для политических авантюристов, выступавших под популистскими лозунгами.

Социоцентрическая жизненная программа советского офицера давно вступила в противоречие с эгоцентрической, которая интенсивно внедряется в сознание российских офицеров и общества. Этот тип менталитета связан с представлением о том, что каждый человек - творец своего счастья, а счастье заключается в достижении личного благополучия. Это одна из первейших заповедей представителей среднего класса в развитых западных странах.

Многие современные авторы относят офицеров силовых структур к среднему слою (классу) современной России. Реальное же положение дел иное. В целях изучения динамики показателей *уровня доходов и благосостояния* семей военнослужащих в Министерстве обороны РФ с 1989 г. проводится мониторинг уровня доходов среднестатистической офицерской семьи. Основным расчетным показателем мониторинга выступает соотношение между величиной дохода среднестатистической офицерской семьи и суммарной величиной прожиточного минимума, соответствующего семье такого же размера в стране (регионе). Полученное значение, косвенно отражающее степень приближения семьи к черте бедности, получило название индекса уровня жизни семьи офицера ( $I_{вж}$ ). Для примера, значение номинального  $I_{вж}$  во втором полугодии 1996 г. равнялось 1,41, в декабре 1999 г. - 1,71, а в первом квартале 2003 г. составило 1,9 (рис.). Это означает, что все это время каждый член семьи офицера существовал чуть больше, чем на полтора далеко не высших стандарта прожиточного минимума. Изучение зависимости индекса уровня жизни от воинского звания, должностного положения, возраста и семейного положения офицера показывает, что в наиболее сложном положении находятся женатые офицеры и семьи из 4-х и более



Изменение индекса уровня жизни среднестатистической семьи офицера в 1989-2003 гг.

человек, независимо от воинского звания. Налицо также зависимость уровня жизни семей офицерского состава от региона прохождения службы. Ни в одном году истекшего десятилетия уровень доходов офицерской семьи не превышал двух прожиточных минимумов. В то же время большинство исследователей проводят нижнюю границу среднего класса на уровне 150-200 долларов США (или 3-4 прожиточных минимума) на одного члена семьи.

Престиж офицерской профессии неуклонно падает, особенно в молодежной среде. Ныне отрицательное отношение к офицерской службе высказывают 46% опрошенных в возрасте до 30 лет, 7% граждан среднего возраста и 3% пенсионеров. Не случайно в 2001 г. офицер уже находился в нижней части списка наиболее популярных профессий с рейтингом в 24 балла<sup>1</sup>. Понижение социального статуса было болезненным для офицерства. Следствием этого стало изменение приоритетов в сознании людей. В разные годы истекшего десятилетия, по данным военно-социологических исследований, от 75 до 97% офицеров были не удовлетворены заботой государства о вооруженных силах. Подавляющее большинство из них стали ставить на первое место интересы своей семьи, и только потом интересы службы.

В современной Российской Армии престиж академического образования значительно снизился. По окончании академии офицеру может быть предложена должность, равнозначная той, что он занимал до обучения, без особых перспектив для служебного роста. Конкурентная ценность большинства дипломов об окончании военного учебного заведения в гражданских условиях невысока: после увольнения в запас в коммерческой фирме выпускнику командного училища или академии в лучшем случае предложат должность менеджера по персоналу, а чаще всего охранника или экспедитора грузов. Обладатели дипломов военных юристов, переводчиков, финансистов и инженеров-электронщиков стремятся как можно быстрее уволиться и реализовать себя вне военной службы. В результате неизбежны снижение качества боевой учебы, ухудшение отношений в воинских коллективах, падение конкурса в военные

<sup>1</sup> Исследование проводилось под руководством автора в интересах Фонда социальных технологий "Содействие и партнерство" среди выпускников средних школ и их родителей на выборке по 1200 человек из каждой категории.



училища, массовое увольнение кадровых военнослужащих. По данным статистики, в истекшем десятилетии ежегодно из Вооруженных Сил по разным причинам увольнялись до 50 тыс. офицеров, половина которых имели возраст до 30 лет.

Лишь властные полномочия современных офицеров сохранились в прежнем объеме. То есть, по нынешнему менталитету офицеры не соотносятся со средним классом, призванным быть опорой государства и общества. Страна сейчас имеет рабоче-крестьянскую армию, которой командуют офицеры с различными вариантами переходной ментальности. В отношении офицерской ментальности избран сложный и опасный путь - очищение ее от аристократической и партийной составляющих и сохранение национальной и профессиональной компоненты. Сложный, поскольку в итоге предполагается, что умонастроения российских офицеров будут подстраиваться под потребности правящей элиты, а опасный - в связи с значительным риском использования людей с такой ментальностью авторитарным руководителем для достижения узкокорпоративных целей. Заметим, что подобная двухкомпонентная схема офицерской ментальности пока не доказала свою жизнеспособность ни в одной стране мира.

Учитывая имеющиеся тенденции, рассмотрим иные уровни современного офицерского менталитета. *Национальную составляющую в менталитете российского офицера* нельзя отождествлять с русским менталитетом. В то же время в армии Советского государства доля офицеров русской национальности никогда не была меньше 70%. В конце 80-х годов указанный факт был назван одной из причин роста конфликтов на национальной почве в Вооруженных Силах, поскольку славянский офицерский корпус не понимал и не учитывал специфическую ментальность солдат, призванных из кавказских и среднеазиатских республик, составлявших в ряде подразделений большинство [13]. В современной Российской Армии среди офицеров: русских - 80,5%, украинцев - 11,7%, белорусов - 3,8%, представителей титульных национальностей республик России - 2,1%; прочих национальностей - 1,9% [14]. Имеются все основания говорить о русской составляющей как главной в национальном менталитете офицеров современной армии.

Черты русского менталитета можно объединить в пять основных типов поведенческих ориентаций - коллективизм, духовные ценности, власть, лучшее будущее, быстрое решение жизненных проблем [15]. Предмет исследования данной работы позволяет выделить из множества признаков русского менталитета те, которые оказывают принципиальное влияние на военную службу.

В оценках многих базовых понятий и практическом следовании им российские офицеры занимают не всегда рациональную, но и далекую от созерцательной позицию. Свобода как ключевое понятие европейской ментальности у россиян так и не смогла оформиться. Место свободы заняла воля, которая применительно к армейской действительности рождает у офицерского состава долготерпение и неприхотливость, храбрость и жертвенность. Длительное существование внешнего контроля за поведением людей сформировало такую характерную черту, как стремление переложить ответственность за свою судьбу и жизнь на общество, государство, вышестоящее командование. Условия военной службы многократно усиливают эту особенность. В последние годы самим понятиям "патриотизм" и "патриот" иногда совершенно безосновательно пытаются придать националистический характер, патриотическое воспитание почему-то связывают с насилием, подавлением личности. Национализм не входил и не мог входить в понятие офицерской чести. В современной действительности одной из серьезнейших проблем становится переход офицерской ментальности от русской общинности, соборности (в советском варианте - коллективизма) к вынужденному или добровольному индивидуализму в бытии и сознании. Некоторые звенья этой поведенческой парадигмы выходят далеко за рамки человечности, оставляя на обочине такие ценности, как честь и достоинство, жизнь и здоровье человека. Коллективистское начало в русском офицере продолжает жить, развиваться и уже в наше время, приобре-

тая новые черты, оставаться все тем же коллективизмом. Огромную роль здесь стала играть Русская православная церковь и др.

Применительно к офицерской службе под *профессиональной ментальностью* можно понимать мировосприятие, позволяющее оценивать социальную реальность и выстраивать стратегию поведения в социуме в соответствии с внутренней этикой и представлениями общества о данной профессии. Ее существование и наличие соответствующих поведенческих программ особенно ярко иллюстрируются следующим примером. Если в присутствии нескольких офицеров достаточно громко и твердо сказать "Товарищи офицеры!", те из них, кто сидел, встанут, а стоящие подтянутся, хотя не обязательно, чтобы каждый из них увидел входящего начальника. Мотивационно-аксиологические основы профессиональной офицерской ментальности проявляются в: а) интересе к профессии и готовности посвятить ей свою жизнь; б) профессиональных ценностях и установках, которые разделяет данное групповое сообщество.

Офицерский корпус является особой когортой профессионалов, пополняемой за счет людей особого склада характера и убеждений, в которой замкнутость, обособленность, групповые привилегии, традиции воспроизводятся на ментальном уровне. По данным социологического исследования "Проблемы сохранения офицерских кадров Российской Армии" (1998 г.,  $N = 1450$ ), 27% офицеров считали, что они относятся к особой касте российского общества, а 36% уверены, что офицеры армии и флота - самые здоровые силы общества. Корпоративная организация подразумевает и такие меры, как строгое преследование по закону за противоправные действия, нарушения уставов и офицерские "суды чести" - за формально неподсудные проступки, порочащие звание офицера.

Высокий престиж военной профессии в советский период, стабильная зависимость от государственных структур, определенное экономическое благополучие и иждивенчество выступают одним из факторов сложной трансформации современного менталитета российского офицера. Консервативное профессиональное сознание, тоталитарное мышление, боязнь нового и завышенное самомнение определяют кризисный менталитет, характеризующийся нестабильностью, неустойчивостью, изменчивостью представлений офицеров о важности своей профессии и своем месте в обществе.

Наиболее важной предпосылкой сохранения в обществе профессионального офицерского менталитета служит наличие постоянно возобновляемого человеческого материала, который органично принимает ценности, установки, стиль поведения и ограничения офицерской профессии. Кризисное состояние, в которое попало российское общество в конце XX в., позволило выявить долю носителей данного стержня среди офицерского состава. Офицеры, готовые служить до предельных возрастов нахождения на военной службе (45 лет - от лейтенанта до подполковника и офицеров-женщин; 50 лет - полковник, капитан 1-го ранга; 55 лет - генерал-майоры и генерал-лейтенанты и им равные; 60 лет - остальные генералы и адмиралы, маршалы), и составляют *костяк военных профессионалов, которые удерживают от развала армию*. В среднем их количество оценивается примерно в *четверть всех офицеров* и ныне колеблется от 20% среди младших офицеров до 32% среди старших и высших офицеров. Призыванием, делом всей жизни в 1997 г. назвали военную службу 29,6% опрошенных офицеров.

В структуре ценностей военной службы офицеров четко выделяются пять основных групп [16]: ценности военно-корпоративного характера, связанные с принадлежностью к особому виду государственной службы; военно-профессионального характера; прагматического плана, связанные с особым характером материальной и социально-бытовой устроенности военнослужащих; физического развития как одного из атрибутов военной службы; романтические ценности, имеющие выраженную эмоциональную окраску. Данная структура за истекшее десятилетие не изменилась. В то же время значимость каждой из групп ценностей, а также характер их внутреннего наполнения претерпели изменения (табл. 2).

**Динамика значимости для офицеров некоторых ценностей военной службы**  
*(в % к общему числу ответивших офицеров; при каждом опросе  
 N = от 800 до 1600, многоточие - нет данных)*

| Наименование ценности военной службы                                  | 1990 | 1992 | 1994 | 1996 | 1998 | 2000 | 2002 |
|---|------|------|------|------|------|------|------|
| Принадлежать к группе, для которой важны воинская честь и достоинство | 65,9 | 58,2 | 42,5 | 35,3 | 30,0 | 30,6 | 33,6 |
| Причастность к защите Отечества                                       | 39,3 | 29,7 | 28,8 | 29,9 | 29,8 | 26,1 | 29,5 |
| Семейные традиции военной службы                                      | 16,4 |      | 11,8 | 11,5 | 17,3 | 18,1 | 18,5 |
| Интересная профессия  | 44,2 | 29,7 | 31,0 | 34,2 | 32,7 | 37,2 | 40,4 |
| Управлять системами вооружений  | 28,5 | 15,1 | 17,6 | 12,5 | 14,6 | 17,1 | 17,3 |
| Организованный образ жизни  | 21,6 | 19,8 | 12,2 | 12,8 | 13,4 | 14,0 | 13,8 |
| Командовать людьми  | 6,3  | 8,4  | 8,2  | 5,7  | 4,8  |      |      |
| Материально обеспечить семью  | 30,4 | 36,2 | 39,8 | 25,3 | 28,5 | 27,9 | 29,4 |
| Решить жилищную проблему  | 28,8 | 31,7 | 34,8 | 20,3 | 18,2 | 29,5 | 34,7 |
| Достичь высокого социального статуса за счет карьеры                  | 11,8 | 9,9  | 12,7 | 13,6 | 14,7 | 15,2 | 15,9 |
| Льготы и преимущества   | 9,5  | 9,4  | 12,7 | 9,0  | 8,2  | 16,3 | 19,5 |
| Избежать безработицы, переждать "трудные времена"                     |      |      | 6,0  | 3,2  | 4,1  |      |      |
| Быть в хорошей физической форме                                       | 10,9 | 9,6  | 11,5 | 7,7  | 13,8 | 12,2 | 12,3 |
| Испытать себя в сложных условиях                                      |      |      | 10,2 | 9,5  | 9,6  |      |      |
| Увидеть жизнь в разных краях  | 12,5 | 9,4  | 9,6  | 6,4  | 8,2  | 8,1  | 7,7  |
| Воинские традиции, ритуалы, форма одежды                              | 14,9 | 4,0  | 8,3  | 7,4  | 7,7  | 7,4  | 7,9  |

Для офицеров заметна преимущественная ориентация на военно-корпоративные и военно-профессиональные ценности. Ведущая роль ценностей, которые отражают принципы взаимоотношений между военнослужащими, понимания воинской чести, достоинства и долга перед Родиной сохранилась. Это способствует поддержанию стабильности армии, воспроизводству воинских традиций, специфического статуса военного человека в обществе даже в условиях изменения общественно-экономического строя и смены политических элит.

Вместе с тем количество офицеров, признающих необходимость своего профессионального совершенствования, уменьшилось с 84,8% в 1992 г. до 65,5% в 2000 г. При этом до половины из них сетовали на невозможность практически заняться профессиональным ростом (причины: отсутствие времени, сокращение количества тренировок, учений, боевых стрельб, полетов, выходов в море, физическое и моральное устаревание военной техники и систем вооружений, загруженность хозяйственными задачами и др.). Уменьшилась значимость "романтики" офицерской службы. В то же время на общем фоне существенно вырос "прагматический взгляд" на военную службу как источник существования семьи кадрового военнослужащего, получения специфических льгот и преимуществ.

Таким образом, нынешний менталитет российских офицеров способствовал сохранению их профессиональной общности, критические, экстремальные обстоятельства

не смогли разрушить ее целостности. Даже после вынужденного или добровольного увольнения в запас офицеры живут как бы двойной жизнью. И вне армии и флота они по-прежнему воспринимают мир, мыслят, чувствуют себя как представители особой профессиональной когорты, волею судеб попавшие в иную социальную среду. Проявления этого самые различные: от установления близких к армейским порядков в подчиненных учреждениях до празднования "по старинке" с друзьями профессиональных праздников ("Дня пограничника", "Дня ВДВ" и т.п.) и соответствующих подарков (папах, кортиков, кинжалов, макетов стрелкового оружия).

Существенное ослабление влияния социокультурной основы менталитета - обычаев и норм, а также разрушение его ценностно-смыслового ядра может вызвать цепную реакцию непредсказуемых последствий. Предполагается, что возможны два варианта реакции традиционного менталитета и образа жизни на резко изменяющиеся социальные условия: сознание либо воспроизводит непривычные образцы поведения, либо срывается в панику, в неадекватность. В связи с этим заметим, что сформировавшийся офицерский менталитет не поддается директивным усилиям по его изменению, а изменяется спонтанно под влиянием множества факторов.

Между условиями жизни, сознанием и деятельностью офицеров существует сложная взаимосвязь. Концепция жизни, в которой интегрированы социальные ожидания и позиция, представления о себе, своих целях и потребностях, месте в обществе, формируется под влиянием макросреды. Все внешние воздействия далее проходят через личностную оценку жизненных обстоятельств. Подобная концепция выполняет функцию ориентира в проблемных ситуациях, при выборе вариантов поведения. И не случайно, современные офицеры длительное время преодолевают устаревшие стереотипы мышления и поведения. Трансформация менталитета офицера - процесс длительный и болезненный, связанный с изменением менталитета всего российского общества.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армейский сборник. 1998. № 3. С. 13-16.
2. *Брушлинский А.В.* Ментальность российская и региональная (провинциальная) // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 42.
3. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 271.
4. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч., 5-е изд., т. 9. С. 158.
5. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
6. Военная энциклопедия. М., 2002. Т. 6.
7. Вопросы истории. 1996. № 1. С. 21-22.
8. Партийно-политическая работа в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. М., 1982. С. 70.
9. *Заславская Т.И.* Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные переменные: мониторинг общественного мнения. Бюллетень ВЦИОМ. 1993. № 2. С. 3-4.
10. *Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь: Социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства. М., 1985. С. 48, 155.
11. *Соловьев С.С., Образцов И.В.* Российская Армия: От Афганистана до Чечни. М., 1997.
12. Политическая социология. Учебник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2002.
13. *Дейнекин В.М., Марченко А.Н.* Профилактика конфликтов на национальной основе (опыт, анализ, рекомендации). М., 1991.
14. Офицерский корпус Отечества // Вестник военной информации. 1995. № 8(44). С. 7-8.
15. Введение в этническую психологию. СПб., 1995. С. 105-106.
16. *Соловьев С.С.* Трансформация ценностей военной службы // Социол. исслед. 1996. № 9.